

СИГНАЛОВ НЕ ПОСТУПАЛО...

Болдоз имени Мичурина. Вокруг — привольные долина, в воздухе доброе журчание плед, гудение шмелей. Может, потому и деревня прозвана Гудковкой, хотя на карте она — Свердловка.

О. КРЕТОВА, специальный корреспондент «Литературной газеты»

На краю деревни — кузница. Немного поодальше — скотный двор. Звенит о поддонник молоко. Истерлистый теленок подает голос, напоминая о себе. И вот, случается, все эти мирные звуки покрывают вопль.

Секунда-другая — и снова тихо. Дождик стучит по отшибе. Если войдет в него засаженный человек, порадуете чистоте аккуратно выделенной комнаты, портрету Пушкина над кроватью. По кто бы мог догадаться, какую трагедию скрывают эти внешне мирные стены.

Женщина рассказывает: — Ночью придет пьяный, разбудит пятаком, кричит: «Стой передо мной!» Подом ужи, споз бесловесно. Если не угодит, швыряет сразу тарелку в голову. Ухватить за волосы, бьет об стол, об стену, об печку. Нахмет коленом на грудь — душит. После халится через соседи: «Я ее убил, как кошку, а она все равно оживает».

Эти невоспоминания о страшном прошлом, не рассказы о домогательствах в какой-нибудь узлой глухомани. Это происходит в наши дни. Истязатель — Петр Васильевич Гладнев, его жертва — жена Мария Захаровна. Да и не только она.

Вот что рассказывают о своем отце четверо дочери Гладнева и его старший сын, живущие сейчас в Воронеже. Говорит Александр, работник Бинготорта:

— Отец мой, как я его стала помнить, вела себя в семье, как зверь. Он псакачал обоим сыновьям, сделал их нервными. Мать после побоев нехотя бывала прикована к постели, но, залупанная, не смеет обратиться за медицинской помощью. Говорит Анна, домашняя хозяйка:

— Я закончила сельской школы, ушла из дома от страха. Мы его все боялись. Брата Ваню он избивал резиновым шлангом. Говорит Екатерина, работница макаронной фабрики:

— У матери голова всегда была опухшая. А теперь он моего мужа поучает: «Ты ее почаще бей, баба должна по шнурю ходить».

Говорит Мария, работница машиностроительного завода:

— Дома невозможно было учиться, отец всегда бил. Я ушла в сестре. Говорит Иван, младший лейтенант:

— Сколько мы с ним живем, столько терлим. Учился я всего четыре года, отец вырывал листы из книг и сжигивал. Он где-нибудь шатается, а я вместо него всю ночь козловых быков пасу. Я сильно переживала за мать.

Дочь Серафима живет в Свердловской области, в детстве она тоже немало претерпела от зверга-отца. Четырнадцатилетний Лена — последний, кто остался в доме. Вместе с матерью он делит весь ужас ее положения.

У Марии Захаровны — семеро детей. Советское государство даю ей право на орден «Материнской славы». Конституция предоставила ей равноправие с мужчиной и другие великие права, которыми пользуются все советские граждане.

Как же смеет Гладнев топтать эти священные права, унижать человеческое достоинство своей жены, надирать ее физическую и душевные силы? Кто позволил ему калечить детей, отнимать у них ставшее детством, разрушать здоровье, мешать им осуществить право на образование?

Кто позволил? Как могли оставаться безучастными окружающие? И тут слышим немезамое: «привыкли»... Да, Гладнев безобразничает не год и не два, а много лет.

Мрачное прошлое знало бытовые преступления, о которых говорилось: «известия», «свободная пресса».

сти», «сжить со света», «заклотить», «вонзить в гроб». Считались такие события делом семейным. Неписанным правилом было при этом немешать вмешиваться, потому что, дескать, «муж и жена — одна сатана».

Примерно так рассуждают и в Гудковке. А ведь когда Гладнев, пьяный, злобещий, шествует по улице, даже ребятишки знают, что произойдет. «Сейчас Дикой тетку Машу битъ будет», — говорят они испуганно. Дикой! Эта кличка превратилась во вторую фамилию Петра Гладнева.

Что же думают об этом представители власти, руководители района? — Сигналов не поступало, — говорит председатель сельсовета тов. Демидов.

— Впервые слышу, — подтверждает председатель райисполкома тов. Очнев. Свердловка-Гудовка находится в восьми километрах от районного центра, в семи — от сельсовета. Но пусть бы даже расстояния были многим больше, — что из этого?

У нас нет глухих, «медвежьих», «забытых богом» углов. Это понятие давно исчезло из обихода советской действительности. Любой, самый, как говорят, глубинный населенный пункт нашей страны живет полнокровной жизнью, общими со всем народом интересами.

Живет и деревня Гудовка, входящая в состав колхоза имени Мичурина, как его вторая производственная бригада.

И если поговорить с работниками сельсовета и руководителями района (каждый бывал здесь), они обстоятельно расскажут о хозяйстве колхоза, о мероприятиях в области культурно-просветительной работы.

Но вмешаться в жизнь Гладневых, избавить семью от распоясавшегося хулигана и истязателя не считали нужным и охотно соглашались те, кто заезжал в село по служебным делам и знал о трагедии этой семьи. Обязательная позиция немешательства, позорная и не достойная советского гражданина!

Сигналов не поступало... На глазах у всего села оставивший от пылающего человека избивает жену и детей, избивает не день, не два, а годы. Какие же звуки еще сигналы! В ответ вы услышите странное явление. Вот когда-де Гладнев чуть не изувачил ветеринарного санитару Ф. П. Столповского, а бригадиру А. М. Григорьеву повредила руку, тогда общественность вмешалась. На Гладнева был составлен акт (правда, акт этот где-то потерялся). Ну, а когда подобное членовредительство совершается над близким, — это дело другое, домашнее. Таков примерно «полюксет» объяснений, который довелось мне слышать в селе.

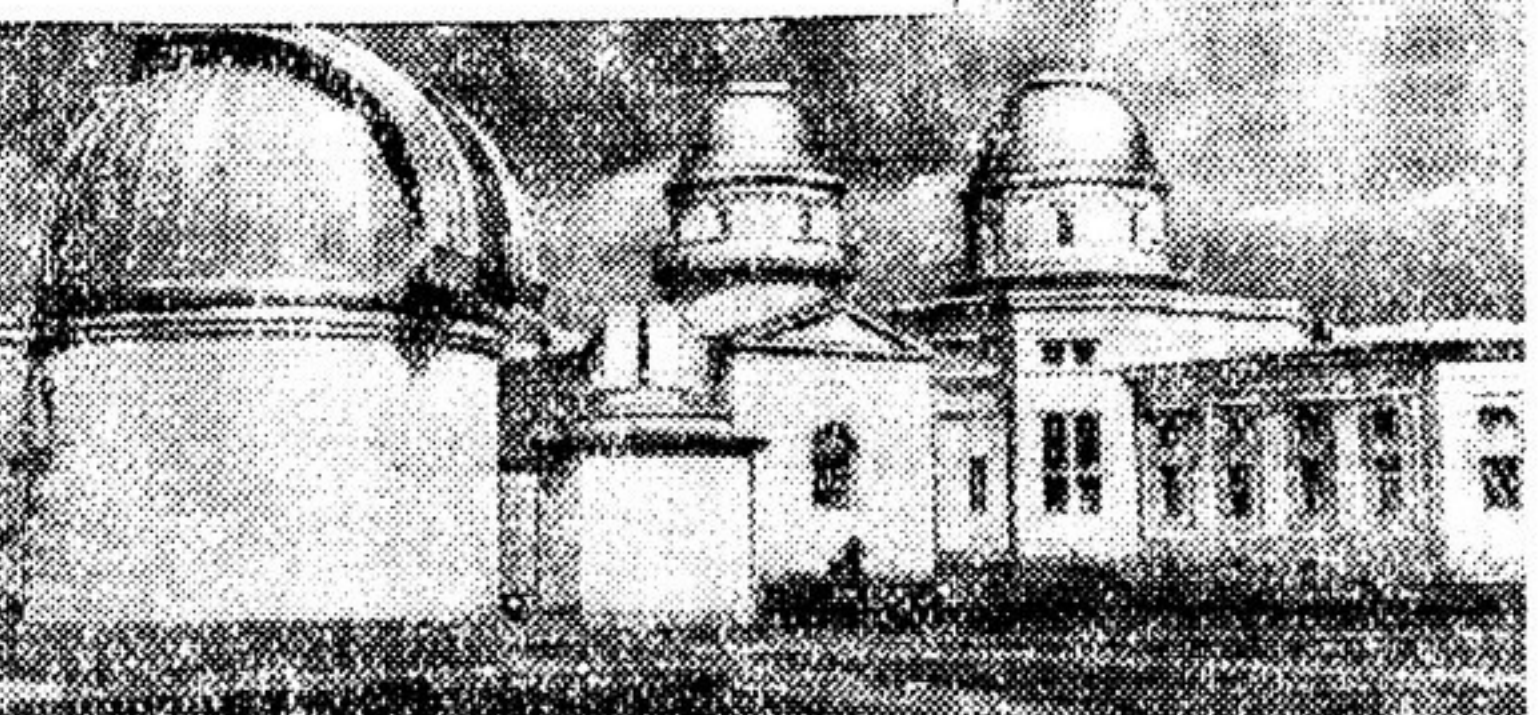
Смирнясь с такой позицией немешательства окружающих и сами члены семьи Гладневых. В письме, адресованном в редакцию, одна из дочерей без осуждения и гнева приводит список сельских активистов, которые могут подтвердить все, что рассказывает она об изверге-отце. Приводят как свидетели, как оцепеневшие. Да, факты они подтвердили. Но разве не лежит и на этих свидетелях доля ответственности за исчаленную жизнь Марии Захаровны, за детей ее, у которых было отнюдь нетесто!

Да, Гладнев безобразничает не год и не два, а много лет. Мрачное прошлое знало бытовые преступления, о которых говорилось: «известия», «свободная пресса».

БЕРЕЗОВСКИЙ район ВОРОНЕЖСКОЙ области

ГОРДОСТЬ РУССКОЙ НАУКИ

Сегодня, 20 мая, в Ленинграде состоится торжественное открытие Главной астрономической обсерватории Академии наук СССР.

Общий вид главного здания и павильонов Пулковской обсерватории сегодня. Фото В. Капустина.

Двадцать с половиной лет назад Пулковская обсерватория уже развернула свою работу. Один из основных ее отделов — астрономический, выполняющий составленный еще В. Струве, приступила к составлению каталога «пулковских главных звезд».

Эта исключительно трудоемкая и кропотливая работа, которая требует самоотверженного труда, постоянной настойчивости и огромного терпения.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

Пулковская обсерватория уже развернула свою работу. Один из основных ее отделов — астрономический, выполняющий составленный еще В. Струве, приступила к составлению каталога «пулковских главных звезд».

Эта исключительно трудоемкая и кропотливая работа, которая требует самоотверженного труда, постоянной настойчивости и огромного терпения.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

В астрономических отделах обсерватории изучают спектры звезд и Солнца. Спектр, особенно линии, его пересекающие, — это «отчет» светового луча о том, в каком состоянии находится вещество на звезде, послышавший этот луч.

КИНО МОЖНО... НО НЕ НУЖНО

В воспоминаниях о Чехове встречается такой эпизод: артистка Художественного театра Муратов, исполнявшая роль Шарлотты в «Виннином саде», обратилась к Чехову с просьбой разрешить ей играть Шарлотту с короткой мальчишеской прической. Эцентричность этого образа показалась ей, видимо, недостаточной, и она решила еще больше заострить его. Выслушав артистку, Чехов со своей стороны ему деликатно ответил: «Можно» и, помолчав, добавил ласково, но твердо:

— Только не нужно. Это чеховское «не нужно» невольно приходит на ум, когда смотришь новый цветной художественный фильм «Анна на шпеле», поставленный по одному из самых ярких и мудрых рассказов Чехова.

Есть в этом рассказе такая сцена. Молодая, красивая женщина приезжает со стариком-мужем, глубоко ей ненавистным, на бал в дворниковое собрание. Скупой и выразительно описан ее первый вальс, ее блистательный успех на балу: «Громкая» офицер в эполетах... точно из-под земли вырост и пригласил на вальс, и она отлетела от мужа, и ей уж казалось, будто она плывла на парусной лодке, в сильную бурю, а муж остался далеко на берегу...»

Теперь вместо этой поэтической сцены, где тонко передано ощущение женщины, впервые почувствовавшей себя счастливой и независимой, свободной от гнетущей власти мужа, представим, что на балу вокруг молодой женщины вертятся два опереточных франта, повсюду гогоча за ней, бесцеремонно растакивая других дам. Быть может, все это смешно, но только совсем не нужно, потому что это не Чехов, а скорее фарс, оперетта. И невольно становится нелегко за эту нелепо приманную, пустую суету. Она портит, огрубляет созданную Чеховым картину, низводит ее до мезкого анекдота.

Организация или инсценировка литературного произведения всегда трудна, потому что всякое переложение для театра или кино должно быть актом творчества, и творчество талантливого. К сожалению, инсценировка «Анна на шее» не принадлежит к числу таких удач. В ней огорчает отсутствие вкуса, опасная легкость в обращении с материалом, чужеродная Чехову назойливая пышность постановки.

Правда, глядя на экран, не раз отдалсь профессиональному мастерству постановки И. Анненского и оператора Г. Рейгофа, снявшего картину в ярких, красочных тонах. Заслуживает похвалы талантливая игра А. Сажина-Николаевского в роли обеснуженного, спившего учителя Петра Леонтьевича. Блестяще играет А. Бертинский — князь. Хорош В. Владимирский — Модейт Александрович. Есть объявление юности у А. Ларионовой, исполняющей роль Анны, хотя в фильме показана, главным образом, внешность Анны, нет углубленного раскрытия ее душевного мира.

И все же, не умаляя и не зачеркивая некоторых бесспорных достоинств новой кинокартины, нужно сказать, что она не удалась в самом главном. И. Анненский (а в этом фильме он выступает и как сценарист и как постановщик), переводя рассказ Чехова на язык кинематографа, не сумел передать глубокий смысл произведения, передать теми особыми художественными средствами, которые составляют принадлежность чеховского таланта, по-своему, по-чеховски возмутить ум и сердце.

Ведь ради чего написана Чеховым эта маленькая грустная повесть? Что волновало в ней художника? Драматическая судьба бедного учителя, его малолетних сыновей-гимназистов и молоденькой дочери, выданной замуж за богатого старого чиновника. История Анны, ее шумного успеха в «свете» — это история растения человеческой души. Только так Анна может приобрести независимость, власть над скрытой-мужем, забыть свое горькое унижение. И в этом — драматизм ее судьбы, печальное, несомненно на достигнутое благополучие.

А что увидел в рассказе Чехова постановщик? Возможность эффектно, с блеском показать на экране багы, катания на коньках, похучествовал ли себя хоть на миг союзником минувших лет и событий?

Думаешь, что на эти вопросы читатель не сможет ответить утвердительно. Автор не скрывает на подробности, он указывает, что герои книги ужасаются, плачут, восклицают, и, однако, это обозначение эмоций не позволяет опустить живую эмоциональность самого художника, не способует раскрытию характера героя.

Кармалюк часто изображает удающихся, и тогда автор обычно рвется его скончившим голову на руки... Но, видя позу героя, мы так и не узнаем самих раздумий, которые эта поза олицетворяет.

Автор тщательно вооружился фактами, однако ему не удалось то чувства творческой свободы, какое необходимо историческому романтисту, чтобы давние события жили в его книге и без нарушения исторической правды образовали картину непринужденную и яркую.

Живая подробность сличком часто заменяется готовой деталью, уже многократно использованной в литературе. Сцены истязаний, насилья, которым подвергаются крестьяне, не вырастают из художественной ткани именно этого романа, но кажутся неотъемлемо читанными в других книгах, а потому условными, как переложивший историческое слово «крестничество», во не как образ, художественно раскрывающий понятие. Потому не раскрывает книга и самого необходимого — как же сформировался характер Кармалюка, как закаляла и выдвинула его борьба народных масс.

Среди нарочитых деталей и схем тесно Кармалюку. Тесно здесь и Василию Проппину, знаменитому художнику, волеющему в сюжет романа весьма искусственно... Тесно в книге живым героям. Они не могут здесь раскрыться в своей яркой самостоятельности. И напротив, чересчур свободно разгуливают по страницам романа персонаж придуманный, лишний, не нужный читателю, но включенный в роман лишь для того, чтобы оправдать какое-то обращение к текстам архивных документов. Это каландриет Матвей Барабаш, появившийся тогда, когда писатель намеревается процитировать какую-либо судебную бумагу. Барабаш переначитывает эту бумагу и затем терзается из-за того, что он причастен к несправедливому, как он понимает, делу. Свернув Барабаш терзается умеренно. На стр. 398, после чтения очередного документа, он подходит к окну, «стерпидная слеза» на стр. 487 он в аналогичной ситуации уже «тяжко зарыдал».

А. МАРЬЯНОВ

тройках, дыган — вихрь светских развлечений, вскруживший голову Анне. Чехов, например, начинает рассказ просто и прямо: после венчания молодых без всякого торжества провозжат на вокзал. Уме пьюный отец Анны тянется к вагону своим, хочет ей что-то сказать, сдобная гимназистка дергает его за фрак и шепчет сконфуженно:

— Папочка, будет... Папочка, не надо... А когда поезд трогается, отец бежит по перрону, расплескивая из бокала вино, и лицо у него — доброе, жадное, виноватое.

Молодые остаются в куте одна, и Анне страшно и гадко впадение с мужем... Трудно найти более благодарное, кинематографически-выразительное начало. Здесь сразу завязывает драматический узел рассказа. Вместо этого сценарист вначале показывает бал в дворниковом собрании, шутские выходы богача Артынова, его веселую поездку по городу в дамской компании. И все это без всякой внутренней необходимости, явно в ущерб замыслу произведения. Зато в фильме открывается возможность показать два бала, а не один, как у Чехова, и не провинциальных, а городских молодых после венчания отправляются на боготомле в карете, а не так, как в рассказе, — по железной дороге. Артынов на благотворительном базаре выкладывает не котно, не три, а сразу тысячу рублей. Кювирта Модеста Александровича снят в «серебре и злате». И за всей этой нарядной мишурой, шелком и кружевами, картинностью поз, которые по воле режиссера принимают исполнители роли Анны — А. Ларионовна, пропадет, потерялся драматический конфликт рассказа, исчез сложный и тонкий чеховский подтекст. Ведь бала, вертящийся в колесе, на которой не раз фиксирует внимание зрителя режиссер, не более чем наивная символика, потому что никакого драматического происшествия в фильме нет. И глядя на экран, где мелькает светлячок, красная, нарядная Анна, зритель отнюдь не собирается печалиться о ее судьбе.

В фильме нет художественного единства. В нем эклектически сочетаются различные приемы. Когда Модейт Александрович, объявленный встречей с князем, восклицает, обращаясь к лакею: «Кто я был до сих пор? Ничего, нуль, соринка!» А теперь возьми... ха... судьба человеческая за вывор вольном». — как тут не вспомнить гоголевского горюничего и как не подняться при этом чисто купеческому языку Модеста Александровича. А ведь это говорит не какой-нибудь приказчик из комедии Островского. Когда тот же Модейт Александрович, получив из рук князя орден Анны, почтительно пятится назад, спиной открывая зреть, — одну, потом другую, — это от Шерина. А когда Анна, слушая раздающуюся под ее окном песню «Коробейника», срывает с себя браслет, козляк, серьги, решившись бежать от мужа, когда она, красиво страдая у окна, поет, наигрывающая на гитаре, то это уже вовсе «жесточкий романс», мелодрама.

За дружка, совсем не чеховских фильмов и пьес пришел в эту картину М. Жаров. Мы уже не раз видели его в ролях таких вот веселых, красивых богачей, «контрразных» в обращении с женщинами. Но ведь те немногие черты, которыми охарактеризован в рассказе Чехова Артынов — полный, страдающий астмой мужчина, рисуют совсем другой внешний образ.

Всякая удачная инсценировка литературного произведения, конечно, должна передать дух и обаяние оригинала, и в то же время самым оригинальным, заново рассказанным языком театра и кино, как бы рождаясь вторично, обретает новое, вполне самостоятельное существование. В фильме «Анна на шее» могут привлечь красивые снятые танцы, балы, пышные наряды, умело использованные опытным режиссером возможности цветного кинематографа. Но для этого неясно было обращаться к Чехову.

Б. ГАЛАНОВ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

НОВЫЙ ПЕРЕВОД «ЛЕСНОЙ ПЕСНИ»

Одним из радостных событий последних месяцев, когда в наша страна празднует юбилей многовековой дружбы русского и украинского народов, является маленькая, скромно изданная книга — новый русский перевод драмы-феерии замечательной украинской писательницы Леси Украинки — «Лесная песня». Перевод ее заново сделал одним из лучших русских поэтов М. Псаковский (Лесья Украинка, «Лесная песня», Гослитиздат, 1953, 110 стр.). «Лесную песню» Лесья Украинка написала в последние годы своей жизни, когда неизлечимой болезнью, тяжелых физических страданий. Драма эта, наряду с произведениями М. Горького, М. Коцюбинского и других русских и украинских демократических писателей, резко противопоставлена официальной литературе «позорного десятилетия», в которой наслаждались коржиком триумфом реакционные писатели И. Андреев, М. Арцыбашев, В. Вилинченко и им подобные.

Эта романтическая в лучшем смысле слова драма-сказка является одной из драгоценных жемчужин украинской литературы XX века. Она выросла из светлой и твердой веры в немишуемое раскрепощение народных масс, веры, которая воздвигла в последние годы украинского и украинского народов в первое десятилетие XX века.

От «Лесной песни» веет ароматом древнего леса, красотой народных сказок и песен Бальскаго Полесья, правдой человеческого чувства, чистых в своей простоте и естественности. Как и многие произведения высокого искусства, она выросла непосредственно из народного творчества — подобно «Слепурке» А. Островского или повести М. Коцюбинского «Тени забытых предков».

Перевод «Лесной песни», насыщенной образами украинского фольклора, является для русских поэтов задачей немалой трудности. За решение этой задачи брался М. Коцюбинский, чей перевод опубликован в русском собрании сочинений Леси Украинки (том 2, Гослитиздат, 1950) и в сборнике украинской классической драматургии («Искусство», том 2, 1951). Новый перевод М. Псаковского сделан на высоком уровне, тонко и точно передает своеобразие подлинника.

Поэт очень тактично оставил в своем переводе некоторые «украинизмы», сумел найти в русском языке уменьшительные слова, воссоздающие столь характерную для украинской речи ласковость. Псаковский хорошо передает выразительный ямб в диалогах действующих лиц — тот самый стихотворный размер, которым Пушкин пользовался в своих «Маленьких трагедиях» и который переняла от Пушкина Лесья Украинка.

Нас не должно удивлять присутствие в переводе таких слов, как, например, «озерянка», «вир-вирочек», «свиста»: они или давно известны в русском языке, или понятны, хотя и не зарегистрированы словарями. Перевод М. Псаковского — несомненно, достижение русского переводческого искусства. Читая параллельно, строка за строкой, украинский подлинник и русский перевод, видишь со всей отчетливостью, какая большая работа была проделана русским поэтом, и радуешься, что благодаря ей чудесная «Лесная песня» будет не только доступной, но и станет родной и близкой русским читателям и читателям других братских республик.

А. И. БЕЛЕЦКИЙ

ДРУЗЬЯ ПОЭТА

Украинская советская поэзия по праву занимает видное место в нашей многонациональной советской литературе. Яркая, красочная, она выражает душевное чувства советских людей, их животворный советский патриотизм. Изначно потому дошла она до сердца читателя — и нашей страны и далеко за ее пределами.

Наряду со многими выдающимися писателями первого, старшего поколения, в украинской поэзии все увереннее звучат голоса более молодых поэтов. Выступивший в конце Великой Отечественной войны с первыми книгами стихов, Платон Воронко сразу же привлек внимание интересной тематикой своих произведений, свежестью и искренностью голоса и своей биографией поэта-партизана из легендарных отрядов Ковалка. И вот ныне перед читателем лежит книга П. Воронко «Стихотворения и поэмы» (Гослитиздат, 1953, 277 стр.). Это более чем десятилетний творческий труд. В сборник включены стихи разных лет, разнообразнее по тематике, с большим диапазоном поэтического настроения.

Сильной стороной таланта П. Воронко является умение передавать характеры людей в действительности, показывая их поэтически ярким и весомым. Многие стихи П. Воронко, написанные с большой лирической силой и поэтическим мастерством, читаются как интересные сюжетные рассказы в стихах.

Герои П. Воронко — скромные, простые люди, друзья и товарищи поэта по войне и труду. Прямо из жизни вошли в его поэзию саперы и партизаны, кузнецы и колхозники, шоферы и строители.

Пафосом лучших стихов сборника является уверенность поэта, что своими делами герои его стихотворений завоевали право на бессмертие. Вот как говорит об этом в заключительных строках поэмы «Бессмертные», посвященной памяти партизани-домосемолки Леры Никольской:

И ты идешь И высока, Ясна, Тебе всегда, Как свет, Семнадцать лет, Стройна, И жить тебе века!

Широк, разнообразен круг друзей поэта и за границами нашей Родины. Это болгарская девушка Валя, приехавшая в Москву учиться, жители освобожденной Советской Армиию солнечной Праги, партизан-гайсенек — все честные люди земли, жаждающие мира и счастья.

ФАКТЫ И ОБРАЗ

Идут мои друзья Рядыми стальными В парижской округе, В Тулузе и в Риме, И в Лондоне сером, И в дымном Детройте, Идут в авангарде, За мпр, как на фронте. Идут в авангарде, Идут, как горняки, Они — комсомольцы, Они — коммунисты!

По этой книге читателю видно, как широк круг друзей поэта. Но, кроме тех друзей, о которых уже говорилось, П. Воронко искренне и крепко дружит с маленькими гражданами нашей страны, для которых он написал много хороших, интересных и веселых стихов. В книге они собраны в разделе «Маленьким друзьям». Среди них выделяется поэма «Из Немечины в Чернетчину», стихи «Ваня степколычок», «Четыре ветра», миниатюры «Малыш Помогай», «Бычок и ежик» и др.

Сборник «Стихотворения и поэмы» П. Воронко говорит о больших возможностях этого талантливого поэта. Читатель, несомненно, будет благодарен поэту за много героев, которых увидел в стихах и которые стали его друзьями.

А. ПРОКОФЬЕВ

История украинского народа необычайно богата сильными человеческими характеристиками, выходящими в многовековой борьбе за свободу и независимость. Оценивая народные легенды, воспетая в песнях романтическая фигура Устина Кармалюка является одним из таких непреклонных характеров — рожденный борьбой народа и без остатка отданный этой борьбе. Уже и в произведениях дореволюционной украинской литературы мы встречали Кармалюка. Но он появлялся обычно в образе благородного разбойника-одиночки, в то время как подлинный Кармалюк был вожаком крестьянских восстаний, бурлакивших в 20-х и 30-х годах прошлого века всю Подолью и Волынь; имя его стало для украинской бедноты на протяжении двух десятилетий призывом к оружию и символом справедливой мести.

Большой роман о Кармалюке написал недавно украинский писатель В. Кучер («Устин Кармалюк», изд-во «Радянський письменник», Киев, 1954, 500 стр.). Роман этот — плод тщательного изучения архивных материалов, результат большой и добросовестной исследовательской работы. Автор сообщает много интересных фактических сведений, и за это читатель будет ему, несомненно, признателен. Но вот книга дочитана, и читатель задает себе неизбежные вопросы:

— А догадывался ли я с живым Кармалюком? Узнал ли его раздумья и побуждения, взгляды ли его друзей и сподвиж-

КНИЖКА УКРАИНСКИХ

В ДНИ ЗАКРЫТЫХ СОВЕЩАНИЙ...

Как Чайлдс подвел Гудфинда

И С ЧЕРНОГО ХОДА

Если смотреть со стороны Лозанна на противоположный берег Женевского озера, днем у подножья горы можно увидеть крыши и стены домов, а вечером — длинные цепочки огней. Это и есть французский городок Эвиан-ле-Бен, где произошла на днях встреча «императора» Бао Дая и главы американской делегации в Женеве Белла Смиты.

От Женевы до Эвиан-ле-Бена меньше часа езды на машине. Покинув сайгонские казино, Бао Дай переселся сюда, чтобы, так сказать, дежурить у черного хода во Дворец наций на случай, если он срочно понадобится французам или американцам. Такой момент и наступил. Однако, чтобы еще более быть понятен страх Бао Дая, который пригнал его к берегам Индийского океана на берега Женевского озера, следует рассказать об одном не лишнем интересе эпизода. В Женеву на днях прибыла еще одна группа вьетнамцев — прибыла без приглашения, по собственной инициативе. Появление представителей этой группы в холле пресс-центра ознаменовалось короткой потасовкой, которая не переросла в побоище только благодаря вмешательству присутствующих и администрации. Атаку начали баолевские корреспонденты. Почему? Потому, что новая группа вьетнамцев объявила себя «нейтральными», третьей стороной в споре — она не поддерживает Хо Ши Мина, но она резко выступает и против Бао Дая, требуя вывода иностранных войск, прекращения войны и свободных выборов. В Женеву эта группа прибыла в качестве посланцев сил, действующих на баолевской территории. Этот факт лишний раз означает, что баолевское «государство» есть явление призрачное, иллюзорное.

Что же произошло в Эвиан-ле-Бене, о чем сговаривались Бао Дай и Белла Смит? Подробных сведений на этот счет нет. Однако агентство Рейтер сообщает, что Бао Дай заявил о намерении Вьетнама присоединиться к агрессивному пакту стран Юго-Восточной Азии после того, как он добьется «независимости» в рамках Французского Союза. Что это означает на практике? Это означает, что Бао Дай согласен со всеми своими потрохами переменить путь к службе к новому хозяину — Вашингтону — в надежде, что там больше заплатят и лучше оградят шатающийся трон американскими штыками. А что ответил Смит? По сообщению гамбургского радио, Смит заявил Бао Дая в том, что США не согласятся с таким решением индо-китайского вопроса, который предусматривал бы передачу части страны коммунистам. Под «коммунистами», как известно, американцы подразумевают всех, кто выступает против колониального режима. Но как же может Смит «не передавать коммунистам» какую-то часть страны, если известно, что большая часть Вьетнама контролируется правительством Хо Ши Мина? Ответ ясен — США должны вступить в войну в Индо-Китае и завоевать территорию для того, чтобы купленной вьетнамской марионетке.

Таким образом, в Эвиан-ле-Бене, у черного хода во Дворец наций, между Бао Даем и Беллой Смитом заключаются сделки, имеющей целью сорвать переговоры по индо-китайскому вопросу, выбивить Францию из Вьетнама, развязать в Индо-Китае американскую интервенцию. Это — старая цель политики Ланселе, ради которой американская дипломатия готова идти на любой шаг. Что касается французских официальных лиц, то они, как сообщают агентство Ассошиэтид Пресс, были раздражены тем, что «Бао Дай проявил независимость, обсуждая на данной стадии вопрос о пакте в Юго-Восточной Азии посредством с американцами. Но раздвигаясь-то этим «французским официальным лицам» следует прежде всего

против самих себя — в данном случае они подают чрезвычайно быстро созревшие плоды собственной политики! В свое время в статье «Срочная поправка «независимости» мы уже писали о том, куда могут привести маневры французских политиков. Сегодня Бао Дай уже игнорирует Францию, ведет важнейшие переговоры за ее спиной. — завтра, из-за спины американского солдата, он, может быть, вообще пошлет ее ко всем чертям. А что делает в это время Вашингтон? Рядясь в тоги борцов против колониализма в Азии, американские государственные деятели все время попускают Францию как можно скорее оформить договор о «независимости» баолевского Вьетнама. Это значит — и невinnostь солидарности, и колонию приобрести, поскольку «независимый» марионеточный император уже прибран Вашингтоном к рукам!

В таких условиях, чтобы сохранить Вьетнам во Французском Союзе и оградить экономические интересы Франции в этом районе, наиболее простым и здравым выходом для французской делегации в Женеве были бы результативные переговоры о восстановлении мира в Индо-Китае. Однако дорога к соглашению до сих пор персгаживала тень Белла Смиты.

В то же время, как уже сообщалось в печати, начались за спиной англичан американско-французские отдельные переговоры об оказании Франции самой широкой военной «помощи» в Индо-Китае. Американцы сочли нужным покончить с «Нью-Йорк геральд трибуном» писала по этому поводу: «Правительство Ланселе приняло решение, которому оно противилось в течение многих лет, — попытаться «интернационализировать» войну. Однако возможно, что решение французских лидеров слишком поздно... Больше всего беспокоит официальных представителей в Вашингтоне то, что коренное население Вьетнама, которое до сих пор считалось лояльным проамериканскому правительству Бао Дая, начинает проявлять либо безразличие к борьбе, либо открытое сочувственное отношение к вьетнамским коммунистам».

Все это, конечно, правда — являю давно откровенно от Бао Дая. Однако американские политики не проявляют интереса к тому, что думает народ, — с их точки зрения, он годен только на пушечное мясо. В данном случае заявление «Нью-Йорк геральд трибуна» имело целью изобразить дело так, будто бы вся инициатива франко-американских переговоров исходит от Ланселе. На самом деле именно американская дипломатия жмет на все педали, пытаясь сорвать возможность мирного урегулирования индо-китайской проблемы.

Вот уже несколько дней как в Париже ведутся переговоры Ланселе с американским послом Диллоном относительно вмешательства США в войну в Индо-Китае. Англия от этих переговоров отстранена — факт, малоизвестный ту истину, что США кричат о «единстве западных партнеров» до тех пор, пока это выгодно самим американцам. А тем временем в Вашингтоне, как сообщает «Уолл-стрит джорнал», готовится ультиматум, который американцы и собираются на этой же неделе предъявить Франции. Особенно любопытен два пункта в этом ультиматуме, подтверждающие целиком высказанную выше мысль о намерении США вытеснить Францию из Индо-Китая. Пункт первый — «Франция должна предоставить США и другим союзникам (т. е. сателлитам США — Филиппинам, Таиланду, Австралии и Новой Зеландии — Н. Г.) всекое слово в руководстве войной, иначе говоря, отдать роль американцам, отойти к стороне. Второй пункт — «Предоставить независимость Вьетнаму, Ласу и Камбодже», т. е. дать марионеткам возможность открыто сменить хозяина.

В том и в другом случае, в Эвиан-ле-Бене и в Париже, речь, как это совершенно очевидно, идет об одном и том же — о попытках США еще активнее вмешаться в вой-

ну во Вьетнаме, чтобы занять место Франции. Одновременно это есть и попытка сорвать переговоры, в процессе которых французская делегация имеет возможность урегулирования индо-китайской проблемы без передержки американцам французских интересов.

Что происходит сейчас за стенами Двора наций, на заседаниях Женевского совещания? Заседания эти происходят при закрытых дверях, в кратком коммюнике сообщалось лишь, что рассматривался вопрос об эвакуации раненых из Дьен-Биен-Фу, а затем обсуждался вопрос о восстановлении мира в Индо-Китае. Однако французская пресса, инспирированная из так называемых «надежных источников», а проще говоря — по подкачке французской делегации, уже начала подгословывать фактов и снова подняла шумную кампанию, гальванизируя старый и неоднократно разоблаченный блеф о негуманном отношении к раненым. Ниже мы покажем, с каким треском лопнули эти мускерские трюки, а пока заметим, что попытка решить индо-китайскую проблему с черного хода обречена на провал!

2. ДВЕ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

Некоторые органы французской печати поступают по отношению к Женевскому совещанию так же, как французская авиация по отношению к дороге № 41 во Вьетнаме, — они «бомбят» совещание фальшивками, но замечая, что попадают по своим. Это, по всей видимости, объясняется преднамеренной слобоживостью отдельных представителей французской делегации, немедленно выходящих из содержания переговоров, происходящих на закрытых заседаниях. С какой целью? С целью замутить воду, предстать в роли обманщиков. Колониальные надсмотрщики в роли безумных широт!

Этой-то задаче и служил выполняющий из грязноватых «надежных источников» слух о «неуспеваемости» делегации Демократической Республики Вьетнам по вопросу об эвакуации раненых из района Дьен-Биен-Фу. Конечно, не от легкой жизни, не от создания прачоты и силы вынуждена французская делегация прибегать к уже разоблаченной фальшивке, но факт остается фактом. В связи с этим в Женеве произошло два события, которые стоят того, чтобы о них рассказать несколько подробнее.

Представитель делегации Демократической Республики Вьетнам созвал пресс-конференцию, на которой изложил историю вопроса о раненых. Почему затряхивалась эвакуация раненых? Потому, что французское командование не предоставляет для этой цели геликоптеры. Как обстоит дело с баолевскими ранеными, которые в последние дни стали предметом особо трогательной заботы г-на Био? Баолевские составляли не более одной восьмой части войск, сражавшихся в Дьен-Биен-Фу под французским командованием. Большая часть этих баолевских солдат перешла в ходе боя на сторону вьетнамской Народной армии, и, таким образом, среди французских раненых они составляли считанные единицы. Поднима вопрос об этих раненых, г-н Био, по существу, ищет то, чего не терять! А что делает в этих условиях французское командование? Делает прямо противоположное тому, что утверждает на Женевском совещании французская делегация. Была договоренность, что французам до определенного срока не будут бомбить дорогу № 41, по которой отвозились из Дьен-Биен-Фу раненые Народной вьетнамской армии и французские пленные. Нарушив эту договоренность, французские войска начали без предупреждения бомбить эту дорогу. Результат — в первый же день были убиты пятнадцать французских раненых.

Такова подлинная цена французской «гуманности». Колонизаторы и есть колонизаторы, они плюют на свои же собственные соглашения.

Факты и факты, ясные, точные, неопровержимые факты сообщал представитель Демократической Республики Вьетнам. В переполненном журналистами зале была тишина, только шелестели листы блокнотов. Это было торжество правды, которую побоялись атаковать вопросы даже представители реакционной прессы.

Факты, приведенные в заявлении представителя Демократической Республики Вьетнам, всколыхнули французскую делегацию. Горемык Байене, не раз уже раславивавшийся поводом за дельные маневры своего начальства, был вынужден в пресс-центре для сокрушительной контратаки. Началась французская пресс-конференция. Однако постановка была плохо рассчитана, и заключительный акт французской комедии в пресс-центре прошел под общее возмущение журналистов.

Сначала французский представитель уныло мямил стандартные фразы о недостатке «гуманности». Когда он кончил, посыпались вопросы. Заключительная часть пресс-конференции настолько ярко освещает истинное положение вещей, что мы приводим ее по живой записи.

Вопрос: Вы говорили, что приказ бомбить дорогу № 41 отдал потому, что по ней перебрасывались подкрепления вьетнамской Народной армии. Есть у вас какие-либо факты, подтверждающие это?

Байене: Конкретных фактов нет.

Вопрос: Вы сообщаете, что эвакуация раненых идет плохо. Псылали вы геликоптеры после перевозки первой партии и были ли случаи, чтобы они возвращались пустыми?

Байене: Нет, не посылали... (в зале смех).

Вопрос: У нас есть сведения, что сегодня эвакуировано еще 18 раненых. Вы знали об этом?

Байене: Да.

Вопрос: Почему же вы говорите только об одиннадцати?

Байене: Молчит. Зал смеется.

Вопрос: Вы предупредили командование Народной армии, что аннулируется прежние договоренности и начинаете бомбить дорогу № 41?

Байене: Да, по радио.

Вопрос: А получили вы подтверждение, что извещение дошло по назначению?

Байене: Нет...

Вопрос: Вы знали, что по этой дороге будут эвакуироваться французские военнослужащие?

Байене: Да, знали...

Вопрос: Знали — и бомбили без предупреждения... Как это понимать?

На этот раз Байене замолчал окончательно. Представители французской делегации, метафорически выражаясь, «дали занавес», чтобы избежать дальнейших саморазоблачений. Да и пора было — слишком откровенно выглядела французская «политика» в вопросе о раненых. Один из западных журналистов сказал: Байене сделал ошибку, приняв американский совет о пресс-конференции. Представители французской прессы, собравшись группой, выразили возмущение. Один из них охарактеризовал французскую пресс-конференцию двумя словами: позорный фарс!

С какой целью приводим мы подробности этих событий, казалось бы, не имеющих прямого отношения к закрытым переговорам по индо-китайскому вопросу? С той целью, чтобы показать нечестную игру, которая ведется за кулисами совещания.

Однако поражение в «грязной войне», как называют во Франции интервенцию в Индо-Китае, нельзя компенсировать «грязной войной», как называют некоторые представители французской прессы пропагандистские ухищрения некоторых западных делегаций в Женеве!

Н. ГРИБАЧЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
ЖЕНЕВА, 19 мая. (По телеграфу)

На днях в иранских газетах появилось сообщение: В Тегеран прибыл Вантингон Деймон. Кто такой Деймон? Помощник руководителя информационного агентства США. Что привело его в иранскую столицу? Долг службы. Г-н Деймон совершает инспекционную поездку по странам Ближнего Востока. Он проверяет, как справляются со своими задачами американские пропагандистские центры.

Мы не знаем, как был встречен сей ревизор довольно-таки внушительной американской пропагандистской колонией в Тегеране. Быть может, она явилась на аэродром в чадмах и предстала перед начальством, сложив ладони на поясе и слегка склонив головы набок, — поза, которая издавна считается почетной на Востоке. Кое-кому это предложение, наверное, покажется странным. Но в пользу него говорят сами издания, распространяемые так называемым отделом информации и культурных сношений при посольстве США в Иране.

Вот, например, листовка, выпущенная американскими пропагандистами. На ней изображены купола и минареты. Арабской вязью выписано над ними изречение из Корана...

Заглянем теперь в томик с яркой, цветастой обложкой. «Чему можно поверить?» — так названо это пропагандистское издание. Автор его — некий Артур Гудфинд. Верить можно лишь одному, утверждает Гудфинд: «благим» намерениям «свободного мира». Доказательства? Автор на них не скупится. Выдержки из Корана, изречения из Будды и Конфуция перемежаются с высказываниями Трумана и Эйзенхауэра.

Гудфинд занят тем, что старательно перелагает на восточный лад мелодии, которые с удручающим однообразием — какой уж год! — воспроизводит музыкальные ящички вагингтонской пропаганды. Он призывает иранский народ к долготерпению и воздержанию. Свои тучные салмы в честь «бескорыстия» США, в честь американской «помощи» он то и дело препящает скорбными вздохами.

«...Ребенок хочет молока, женщина хочет драгоценностей, мужчина хочет денег», — поучает Гудфинд. Но что поделашь: «воздержание и совершенствование мира требуют времени».

Так обстоит дело с иранцами. Что же касается американцев, которые навондуют «совершенно бесплатно» Иран проповедями Гудфинда и ему подобных, то они будут вознаграждены уже тем, что «Иран твердо займет свое место в свободном мире», как сказано в предисловии к другому изданию посольства США.

Так, сложив ладони на поясе и слегка склонив голову набок, изыскиваются ныне на иранском языке американские миссионеры колониального разбоя.

Однако, когда они покидают иранские пределы и переходят на родной язык, то слышатся совсем другие речи.

Дж. Ривс Чайлдс — это не известный Гудфинд. Чайлдс — дипломат. Он 30 лет занимался проблемами Ближнего Востока. В прошлом году газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала выдержки из письма Чайлдса, адресованного в государственный департамент. Престарелый дипломат на этот раз разоткровенничался. «Персы на всем протяжении своей истории подчинялись только силе», — писал он, — и вряд ли на них окажут влияние другие факторы на данной стадии. Толковать персам о демократии — это все равно что толковать о воздержании обитателям ада». Неправда ли, совсем не по-

же на проповедь новоизменного последователя религиозных учений Востока А. Гудфинда!

Чем же объяснить, что американцы в последнее время так увлеклись «изучением» Корана? На этот счет иранская газета «Рангин кьян» писала еще в прошлом году: «Все меры, предпринимаемые американцами, чтобы поддержать свой престиж, терпят провал... Это «нежелательное положение» вызвало растерянность информационной службы американского посольства». И واشنطنские пропагандисты в Тегеране, «лицмерно изучая» на себя личную благочестия и набожности, решили сыграть на религиозных чувствах иранцев.

Американские монополии, вытесняя английского конкурента, подбираются к иранской нефти. Вашингтонские дипломаты отдают Ирану «твердое место в свободном мире», то есть в агрессивном средневосточном блоке. Стратеги из Пентагона заняты «модернизацией» иранской армии. А американские пропагандисты, вроде Гудфинда, стараются с помощью изречений из Корана завербовать себе друзей в Иране.

Еще пример. Не так давно посольство США выпустило брошюру под названием «Что можно сделать?». Ее назначение — убедить крестьян в благотельности для сельского хозяйства Ирана пресловутого четвертого пункта «программы Трумана». В этой брошюре американские проповедники дают такие советы крестьянам: «Нужно смотреть на жизнь трезво, верить в семью и бога... Необходимо свои древние традиции подкрепить новым проверенным (конечно, американским!) опытом».

Однако «новый проверенный опыт» довольно скоро окончательно разоблачил себя в глазах иранской общественности. Крупная буржуазная газета «Карзар» постигла в апреле статью деятельности «Миссии Управления иностранных операций» США. Иранский народ, пишет газета, «спитат отвращение к этому трумановскому предприятию». К чему же свелась американская помощь сельскому хозяйству Ирана? По словам газеты, к тому, что миссия завезла в страну «несколько ослос с острова Кипр... что было не чем иным, как большим издевательством над иранским народом».

«Карзар» приходит к выводу, что в результате сотрудничества с американцами в стране «ухудшилось экономическое положение», наблюдается «рост дороговизны и голод». А газета «Седае мардом» писала на днях в передовой статье: «Во всем мире с треском и шумом объявлено, что всеильное американское правительство помогает иранскому народу... Но когда выискиешь в смысле этой помощи, становится ясным, что она стала несчастьем для иранцев». В заключение «Седае мардом» подчеркивает: «Американская помощь не только не облегчила положение иранского народа, но привела к чрезвычайно широкому, бесцеремонному вмешательству американцев в наши внутренние дела».

...Сади некогда сказал: «Если не хочешь услышать от человека горькое слово, подсади ему рот». Г-ну Деймону представляется удобный случай убедиться, что американским миссионерам колониального разбоя так и не удалось своими фальшивыми, лицемерными проповедями «подсасти рот» иранскому народу.

А. ТЕРТЕРЯН

Лейтенант Н. Дневник французского офицера

автоматами; несомненно, он только что снимал протезные транспортные самолеты, которые присланы из его страны и с недавних пор кружат над нами; на них еще остались намалеванные американские опознавательные знаки; каждый может удостовериться, за кого мы сражаемся.

9 мая
Вот я и снова в дельте, с заданием на тыловую базу. Сегодня вечером отбыл с одним из батальонных командиров и каким-то лейтенантом, находящимся при ставке военного губернатора. С дрожью и чувством уважения они рассказывали, как держали себя вьетминцы при взятии одного из бетонированных опорных пунктов, как, несмотря на необычайную плотность огня артиллерии и авиации, они проявили величайшее хладнокровие. Их поведение на поле боя восхищало нас, но в разговоре неоднократно повторялось слово «переговоры».

Даже те, кто больше всего нуждается в том, чтобы им вправили мозги, приходят теперь к совершенно определенному выводу: в настоящее время говорят то и соглашаются с тем, что испугало бы многих еще год назад.

10 мая
Физическое переутомление, отсутствие побед, ошибки командования, бесплодная стратегия окопной войны — все это вызывает у солдат уныние. Большинство частей находится беспрерывно в обороне... Территория контролируемых нами районов уменьшается, что говорит об упадке сил, об общей усталости.

Июль
Долгожданное прекращение огня в Коре произошло здесь огромное впечатление; каждого неотступно преследует вопрос: «Ну, а у нас-то что медлят?»

В полдень в последний раз завтракали капитаном Л., улетавшим завтра на аэро-

Лейтенант Н. Дневник французского офицера

ром Бурже. Большинство присутствовавших на завтраке — легионеры. И даже в их умах, несмотря на распространенный среди них дух наемничества, за какие-нибудь несколько месяцев произошло значительные изменения! Так, меня весьма удивил капитан Р.; он командует батальоном, на который высшее начальство сделало главную ставку во время двух недавних тяжелых боев; и тем не менее именно он, несмотря на свое официальное положение, несмотря на то, что при этом разговоре присутствовало много лейтенантов, и я в их числе, совершенно ясно высказал то, о чем думал каждый из нас: армия лишена возможности выполнять свои насущные задачи вследствие тупого упорства, она завизала, переговоры необходимы; все мы ждем их с нетерпением. Он даже сказал, обратясь к Л.: «Так как вы возвращаетесь на родину, то передайте французскому народу, если он действительно поймал, что представляет собой эта война, чтобы он положил ей конец».

Август. Лай-Чу
У нескольких частей, находящихся в этом районе, одна единственная задача, одно единственное занятие: защищать аэродром, являющийся для них источником существования. Сейчас — потому, что с него они получают продовольствие; в один прекрасный день — потому, что они с него улетят.

23 октября
Основная забота частей, затерянных в горах, как, впрочем, в несколько меньшей степени, и всего экспедиционного корпуса, — это выжить. Четыре пятых средств, времени, усилий каждого уходит на выполнение этой задачи — законной и в то же время абсурдной: выжить, сохранить жизнь — ни больше ни меньше.

3 ноября
Сегодня первый провет после трех дней, прожитых в сырости и густом тумане, ме-

шавшем какому бы то ни было передвижению. В результате раскрылись глаза у командира батальона, еще несколько дней тому назад настроенного весьма хвастливо. Он обратился ко мне со следующей речью: «Какой смысл может иметь наше присутствие в стране тай? Военные хотели, чтобы мы ушли отсюда; им противопоставили сопротивление, так сказать, политическое; но приходится спросить себя: кому все это приносит пользу? Даже если бы против нас была только армия Вьетлина, мы никогда не смогли бы ее настичь, а ведь, кроме того, все население ей помогает. Это та форма войны, при которой нам остается только получать удары».

12 ноября
Вчера получил длинное письмо от Дени. Волнуясь за него: за его обычной живостью я ощущаю тревогу и чувствую некоторую наигранность в его хорошем настроении. Он занимается в Северном Ласе пост, полностью изолированный, без какой бы то ни было регулярной сухопутной связи. 12 вьетминцев, 120 туземцев. Дени рассказывает, что его люди, несмотря на их выносливость, «не рухнули в сватку», не проявляют воинственности». Им приходится пролагать себе путь через чащу, делать огромные переходы днем и ночью. Недавние отходы произошли в некоторой степени, и ошибки повлекли за собой большие потери. Вокруг Дени в всех состояниях крайней усталости, все надежды на перемирие.

Американцы там так же активны, как здесь. Бетати, снова усиливая слух, будто десяток «Б-26» должен прибыть для подкрепления.

2 декабря
С позавчерашнего дня после предложений Хо Ши Мина «страшная суматоха! Первые сообщения загляли глаза у всех, кто был у источника, с нетерпением все напрягли слух при малейшем потрескивании. Завален тем немногим, что можно было схватить на ходу. Нужно же было, чтобы в качестве вознаграждения нам выставили беспомощный Бао Дая и американское veto!

8 декабря

Артиллерист пришел к нам в гости сегодня после полудня. Ему хотелось, чтобы его успокоили. Он возмущается, что до сих пор нет никакого ответа на предложение той стороны.

11 декабря

Все еще ничего нет.

13 декабря

Мы эвакуируем Лай-Чу.

16 декабря

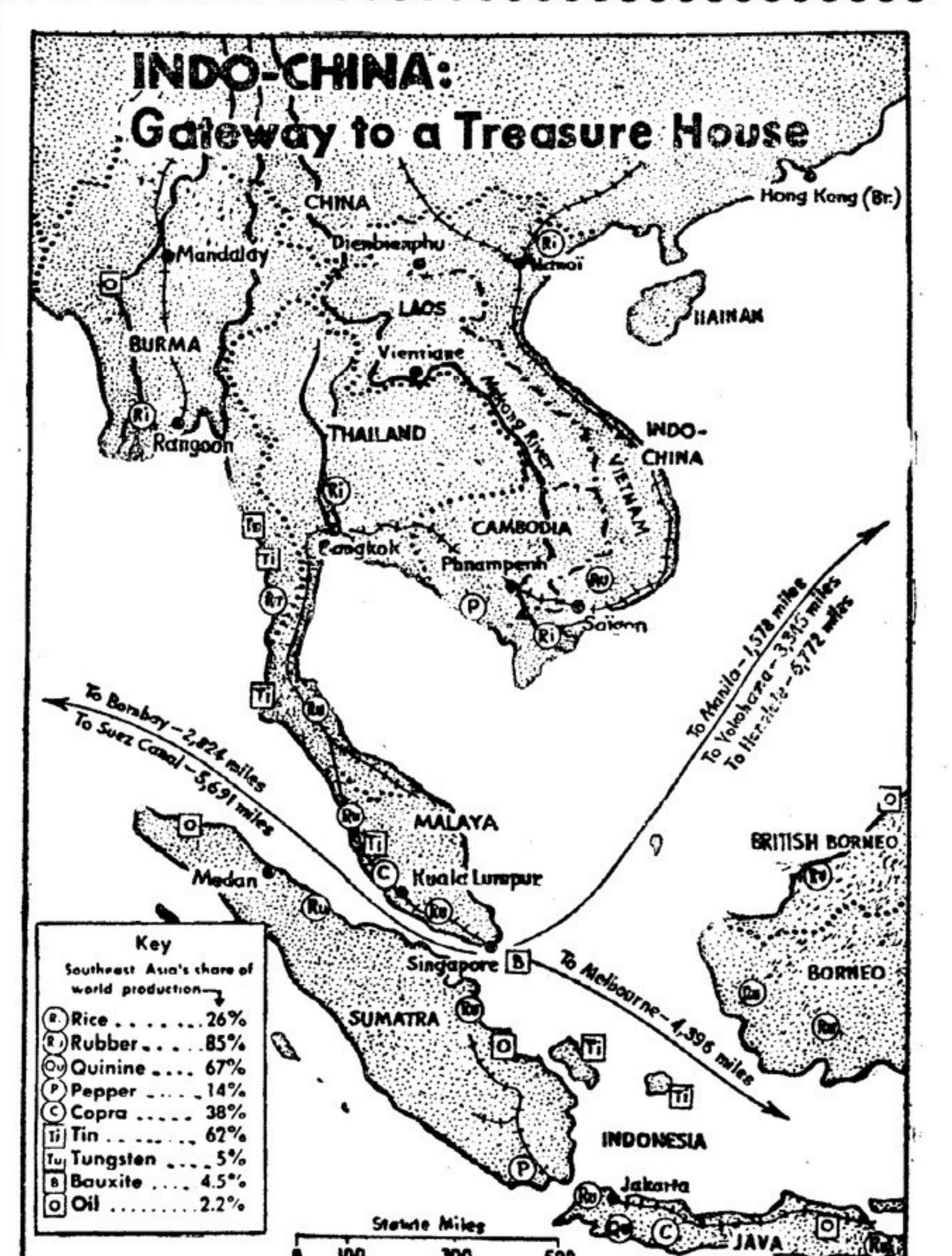
Что касается меня, то мое пребывание здесь подходит к концу. Через шесть дней я буду в Бурже. Но здесь еще ничего не урегулировано.

Я перечитываю свой дневник, и снова передо мной встают эти двадцать семь месяцев. Мне кажется, что я вижу теперь яснее, чем вначале. К чему же все это привело?

Ни к чему, это ясно. Упрямоство может повлечь за собой только еще большее поражение. Мы лишь слегка неслись; против нас поднимается народ, который не перестает удивлять нас своими ресурсами, своим мужеством, своей верой. И если бы хоть частица права на нашей стороне?

Тем временем, месяц за месяцем, истребляется французская армия, ее офицеры и унтер-офицеры, ее вера в себя, в свою чистую совесть.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТКОВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

«ИНДО-КИТАИ: ВОРОТА К СОКРОВИЩНИЦЕ» — под таким аналитическим американским журналом «Ньюсуик» помещена эта карта. В левом нижнем углу карты перечислены богатства, тающиеся в «сокровищнице» — Юго-Восточной Азии: 26% мирового производства риса, 85% — каучука, 67% — хинина, 14% — перца, 38% — копри, 62% — олова, 5% — вольфрама, 45% — бокситов, 27% — нефти.

Американские монополии хотели бы прибрать эту «сокровищницу» к своим рукам. Вот почему правящие круги США усиливают в настоящее время нажим на правительство Ланселе, требуя у него послышки в Индо-Китай новых и новых подкреплений для продолжения кровопролития. Вот почему все усиливается американское вмешательство в индо-китайскую войну.

Американцы нас используют и презирают. Не входит ли в их планы это истребление французской армии? До каких пор будет продолжаться наше добровольное самоубийство? Приближается день, когда те, кто нас отправил на эту каторгу и продолжает себя держать, должны будут нам дать отчет. Какая новая катастрофа нам нужна еще, чтобы они решились на переговоры?